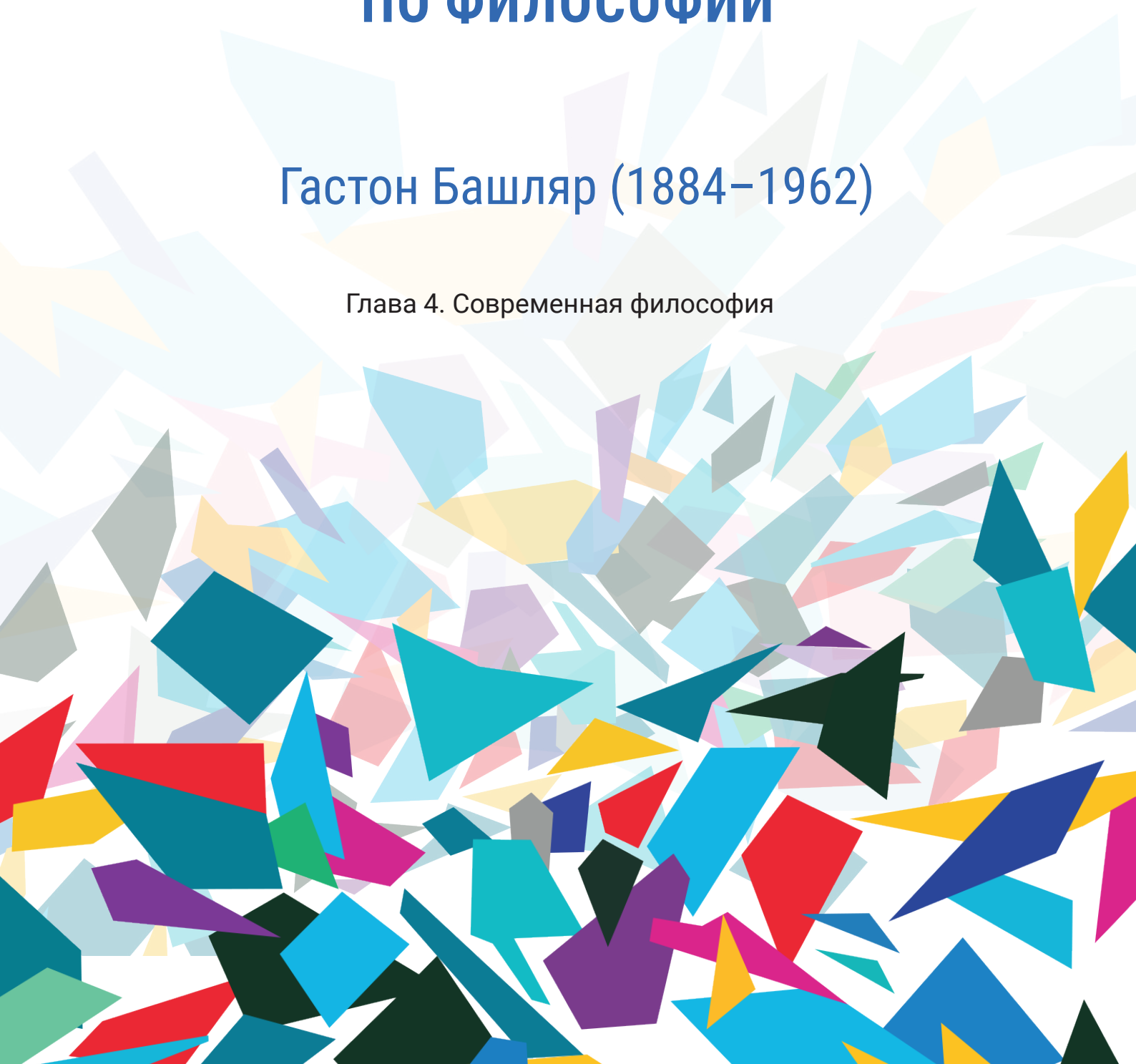

25 КЛЮЧЕВЫХ КНИГ ПО ФИЛОСОФИИ

Гастон Башляр (1884–1962)

Глава 4. Современная философия

«Формирование научного духа: вклад в психоанализ объективного знания» (1938)

Гастон Башляр родился в Бар-сюр-Об в скромной семье. Его родители держали табачную лавку. Получив среднее образование, он начинает свою карьеру мелкого почтового служащего в Ремирмоне (1903–1905), затем в Париже (1907–1913), где и записывается на научный факультет. В 1912 году Башляр получает математическую степень и готовится к конкурсу на инженера-телеграфиста. Очередные курсы прерываются его мобилизацией (август 1914 – март 1919). В июле 1914 года он женился, а в 1920 году овдовел и продолжал один воспитывать дочь Сюзанну.

В 1919 году Башляр возвращается в Об, где начинает работать преподавателем физики и химии. В то же время он посвящает себя изучению философии, что впоследствии отмечается лицензией (1920), агреже (1922) и степенью доктора филологии. В 1927 году он защищает диссертацию под названием «Эссе о приближенном знании», отмеченную институтом на следующий год.

С 1930 и по 1940 год он преподает на факультете литературы в Дижоне, а затем в Сорбонне получает кафедру истории и философии, которой руководит до 1954 года. Его духовная производительность довольно высока. После диссертации Башляр публикует «Индуктивное значение относительности» (1929), «Связный плюрализм современной химии» (1932), «Интуицию мгновения» (1932), «Новый научный дух» (1934), «Диалектику продолжительности» (1936), «Опыт пространства в современной физике» (1937) и, наконец, «Формирование научного духа», которое мы собираемся подробно представить.

Впоследствии Башляр публикует: «Психоанализ огня» (1938), «Философия «нет» (1940), «Вода и грезы» (1942), «Воздух и сновидения» (1944), «Земля и мечтания воли – Земля и мечтания отдыха» (1948), «Рационалистская деятельность современной физики» (1951), «Рациональный материализм» (1953), «Поэтика пространства» (1957), «Поэтика мечтания» (1960) и, наконец, посмертно выходит сочинение «Право мечтать» (1970), которое является повторением его основных статей.

Башляр умер 16 октября 1962 года. Упоминание названий статей показывает, что его творчество тяготело к двум основным направлениям. Первое – это рассуждения о науке, ее истории и развитии; второе – размышления о поэтическом воображении.

Формирование научного духа – это центральный том первого периода его творчества, – отмечает Реми Хесс. В нем описаны трудности, с которыми сталкивается человек на пути овладения научным духом, который позволил науке добиться таких выдающихся успехов в XX веке. Это анализ препятствий, которые человек должен был преодолеть, чтобы перенять адекватный стиль поведения, способствующий размышлениям о природе в объективных терминах. Речь идет о психоанализе – другими словами, об изучении препятствий, мешающих человеку мыслить объективно.

Вступительное слово

Во вступительном слове задается отвлеченное понятие, например, «нормальное и плодотворное действие научного духа». Башляр действительно констатирует, что, если наблюдать развитие научного духа, можно заметить, что он характеризуется «рывком от более или менее эмпирического к полной абстракции». По мнению автора, абстракция высвобождает дух, облегчает его и придает динамику. Конкретный и реальный опыт о феноменах, который у нас есть, является препятствием для их научного понимания. Надо полемизировать по поводу этих представлений, чтобы подняться до абстракции. Научные решения являются лишь критикой спонтанного восприятия.

Башляр выделяет три основных этапа в формировании научного духа:

1. Первый период представляет собой «донаучное состояние», протяженностью от классической античности до XVII–XVIII веков.

2. Второй период представляет собой «научное состояние» и длится с конца XVIII до начала XX века.

3. Третий период представляет собой «состояние нового научного духа» и начинается в 1905 году теорией относительности.

Эти три состояния необходимо соотнести с тремя этапами формирования научного духа:

- «конкретное состояние», когда духу интересно получить первые изображения феномена;
- «конкретно-абстрактное состояние», когда к физическому опыту дух добавляет геометрические схемы; абстракция лежит в области чувственной интуиции;
- «абстрактное состояние», «когда дух берется за информацию, намеренно отвлеченную от интуиции реального пространства, намеренно отделенную от непосредственного опыта и даже в открытой полемике – от первичной реальности, всегда загрязненной и всегда искаженной».

Башляр не забывает также три различных психологических установки, которые характеризуют историю «научного терпения»:

1. «детская или светская душа», которая удивляется малейшему вскрытому феномену;
2. «профессорская душа», догматическая, застывшая в своей первой абстракции, не подвергающаяся себя сомнению и опирающаяся на ученый авторитет;
3. «душа, страдающая тягой к абстрактному, к выделению квинтэссенции», «больное научное сознание, отданное на откуп вечно несовершенным индуктивным методам, ведущее опасную игру мысли без надежной экспериментальной поддержки». Здесь постановка под сомнение всегда возможна.

Задача научной философии – провести психоанализ интереса, разрушить любой утилитаризм, как бы завуалирован он ни был, каким бы возвышенным себя ни представлял. Научный дух должен сделать «удовольствие от духовного возбуждения в поисках истины сознательным и активным».

Башляр заканчивает это вступительное слово, говоря, что его книга спорная, ибо любая наука должна сначала отстоять выдвигаемые идеи. По его мнению, эпистемолог должен прежде всего интересоваться теми идеями, которые, мало того, что истинны, должны иметь еще духовное предназначение – иными словами давать научное понимание эпохи.

Эпистемологическое понятия препятствия

Проблема научного знания ставится в терминах «препятствий». В познавательном действии надо обращать внимание на медлительность и разбросанность. Эпистемологические препятствия – это те причины инерции, которые кроются в познаваемом объекте. Познавание реального никогда не является стихийным. Оно – тот свет, который всегда высвечивает какую-то часть предмета. «Реальное – это всегда не то, что можно было бы принять на веру, а то, над чем можно будет подумать». Башляр показывает, что уже имеющееся знание является препятствием для научного знания: «Получить доступ к науке – это значит духовно помолодеть, согласиться с резким сдвигом, который должен противоречить прошлому». Наука должна противопоставляться мнению, так как мнение мыслит неверно. Оно не думает, а выражает потребность в знаниях. На мнении ничего нельзя строить. Вначале его надо разрушить.

Более того, приобретенное знание необходимо всегда подвергать сомнению. При практическом использовании идеи расцениваются неправильно. Надо бороться против «консервативного инстинкта» людей и поощрять их «инстинкт формативный». Причем последний помогает создать себе новые умения. «Хорошо организованной» головы недостаточно. Ее надо постоянно реорганизовывать, в противном случае доступ к ней закроется. «Человек, побуждаемый научным духом, бесспорно желает знать, но знать прежде всего для того, чтобы точнее ставить вопросы».

Башляр отличает позицию историка от позиции эпистемолога. Факт, неверно истолкованный в свое время, остается фактом для историка, и как антифакт – препятствием для эпистемолога.

Затем он рассматривает понятие «эпистемологического препятствия» в практике обучения. Башляр констатирует, что мастера, преподающие науки, не знают, что их не понимают. Они считают, что дух начинается как урок, что события и явления излагаются пункт за пунктом. Они не думали над тем фактом, что ошибки подростков часто возникают из уже приобретенных эмпирических знаний. Для ученика работа заключается не в приобретении культуры, а в ее изменении: «Любая научная культура должна начинаться с интеллектуального и эмоционального катарсиса. Затем встает самая трудная задача: призвать научную культуру к постоянной мобилизации, заменить закрытое и статическое познание открытым и динамическим знанием, сделать диалектическими экспериментальные переменные и, наконец, дать разуму стимулы к развитию».

Определенным образом Башляр предлагает построить психологию ошибки в педагогике, но демонстрирует некоторый пессимизм, так как у преподавателей нет того чувства, что они могут ошибаться, в основном из-за того, что считают себя мастерами: «Я никогда в жизни не видел воспитателя, который поменял бы метод», – говорит автор.

Первый опыт

Башляр считает, что «в формировании научного духа первым препятствием является начальный опыт, это опыт, усвоенный до критики и вне ее, а эта критика необходимым образом является составным элементом научного духа».

Почему? Дело в том, что критика не могла применяться до тех пор, пока не установился этот начальный опыт. Башляр развивает тот тезис, что научный дух должен формироваться против Природы, против всего того, что как внутри, так и вне нас является импульсом и уроком этой Природы. Научный дух формируется, реформируясь. Понять Природу – значит сопротивляться ей.

Среди факторов, которые противостоят научному духу, можно отметить школьные учебники, которые постоянно переиздают, не вдаваясь серьезно в их анализ. Напротив, не хватает настоящих учебников, популяризирующих науку, считает Башляр. Одной из ошибок школьных учебников является желание представить науку органически, как единое целое. Они построены в логическом порядке, запрещающем перескакивать через главы. Но наука вовсе не это. И тем не менее Башляр констатирует, что с XVIII века идет настоящий прогресс в науках и в их преподавании.

В XVIII веке корни научных книг уходили в повседневность. В качестве примера Башляр приводит книгу аббата Понселэ о громах, которая должна была ответить на вопросы людей того времени, боявшихся молнии и связанных с ней опасностей. Автор объясняет данный феномен своим читателям, чтобы изменить психологию той эпохи в отношении природных явлений. То же замечание относительно связи с политикой в классическую эпоху. Автор научных книг должен определить свою позицию относительно власти. Башляр считает, что сегодня все обстоит иначе и прогресс научного духа достиг с тех пор таких высот, что «расстояние от Плиния до Бэкона меньше, чем от Бэкона до современных ученых», в частности в том, что касается автономного характера научного выступления относительно других социальных выступлений.

Существовавшая еще в XVII веке донаучная мысль не является «правильной», ибо в официальных лабораториях она была одна, а в школьных учебниках – другая. Проблема XVIII века заключалась в том, что, делая науку от жизни, ее проводники отдалялись от смысла проблемы, которая ставилась перед научной мыслью, следовательно, они отдалялись и от нерва прогресса. Такое умозаключение Башляр иллюстрирует примером об электричестве в XVIII веке. Он размышляет о трудности, которая заключалась в «отказе от живописности первичного наблюдения, в оголении электрического феномена, в освобождении опыта от всего лишнего, от неверных выводов». Эти доктрины были признаком очевидного эмпиризма: «интеллектуальной лени удобно размещаться в эмпиризме, называть факт фактом и запрещать поиск закона».

Донаучная мысль не стремится исследовать достаточно описанный феномен. Она ищет не изменение, а разнообразие. Поэтому отсутствует метод. В то же время все интересуются наукой.

О ней всюду говорят. Считается, что каждый должен ставить эксперименты. Но если наука и приобретает светский характер, то этот факт не превращает мир в ученый город. Светскость не способствует правильному формированию научного духа, считает Башляр.

Люди XVIII века больше увлекаются постановкой опытов, взрывов, демонстрацией явлений, а не их причинами. Сегодняшнее обучающееся молодое поколение – тоже. Они более склонны романтизировать науку как таковую, а не ее законы. Чтобы стать рациональным, опыт должен включиться в «игру многообразных доводов». Недостаточно найти причину факта, чтобы все объяснить. Башляр советует остерегаться фактов и засилия их упрощенных толкований.

Свое умозаключение он иллюстрирует пространственным рассуждением по поводу алхимии. Как объяснить то, что эта дисциплина смогла просуществовать с XI по XIX век? Объяснение этому феномену Башляр видит в том, что не научная цель интересовала данный предмет, а нравственная и воспитательная перспектива, которая и поддерживала ее. Однако алхимия не очень далеко от нас.

Общее знание как препятствие для научного знания

Философия, говорит Башляр, требует от науки обобщенности. Но эта наука общности в той мере, в какой она всегда является тормозом опыта, представляет собой крах творческого эмпиризма. Башляр остерегается таких опасных интеллектуальных наслаждений, которые испытывают некоторые ученые, обобщая быстро и легко. Научный дух не должен поддаваться искушению легкости и простоты.

Чтобы доказать данное высказывание, Башляр обращается к исследованию Академией в 1699 году понятия сворачиваемости. Оно становится таким общим, что начинают говорить и о сворачиваемости крови, молока, подсолнечного масла, воды... И таким образом скатываются со сворачиваемости до замораживания. В данных обстоятельствах Башляр наблюдает тот ущерб, который нанесло слишком быстрое применение принципа идентичности: «Позволительно сказать, что Академия, столь легко применяя принцип идентичности к разрозненным, достаточным образом не уточненным фактам, понимала феномен сворачиваемости. Но надо сразу же добавить, что такой способ понимать является антинаучным».

Башляр приводит еще один пример ферментации у Макбрайда (1766). Он показывает скачки научного духа, которые были связаны с Пастером, ибо исследование ферментации выводило на ознакомление со своей противоположностью: стерилизацией. Автор делает вывод: «Объективность заключается в уточнении и в связи признаков, а не в сборе более или менее аналогичных предметов. Сегодня над всем главенствует идеал ограничения: знание, данное без точных определяющих себя условий, не является научным знанием. Общее знание почти неизбежно оказывается расплывчатым».

Так Башляр показал, что привлекательность универсального сбивает нас с истинного пути точно так же, как привлекательность частного. Такое высказывание он подтверждает также изучением губки – это пример словесного препятствия. Здесь еще раз автор разоблачает засилье принципа единого объяснения, порой сведенного к простому изображению, а то и просто к слову Так, губка у Декарта оказывается столь общей эвристической категорией, что уводит автора Рассуждения о методе в сплошные дебри «метафизики губки».

Башляр предупреждает о двух других препятствиях на пути научного знания: философские системы толкования, обобщенное видение мира, как, например, рассматривалась природа в XVIII веке, и допущение наличия общей структуры, переносимой из одной области в другую, например, аналогии, которые некоторые авторы смогли провести между космологией и структурой металлов. Надо быть очень осторожным с этими сверхопределениями, которых великое множество в истории формирования научного знания. Среди них можно назвать такие, как естественность, полезность, общая понятность базовой категории (электричество к 1780 году).

Сущностное препятствие

Сущностное или реалистическое препятствие является одним из самых архаических и, следовательно, одним из самых сложных препятствий, мешающих доступу к научному знанию! Это склад ума, который нацелен на выяснение свойств существ путем постоянного обращения к сущности, другими словами, к «мифу внутреннего содержания» или к «мифу глубинной сути». Центр, сердце является очагом постоянного процесса оценки: «В сущности есть внутренний мир». В качестве примера Башляр приводит соль (в XVII веке она встречается повсюду): «Если бы соль добывалась из стропил, брусов и балок, то все превратилось бы в пыль. То же самое я скажу о железе, стали, золоте, серебре и всех металлах», – говорит Бернар де Палисси. «Без доказательств», – добавляет Башляр. Он подвергает такое отношение психоанализу «чувства обладания» или «комплекса Гарпагона».

Анимистическое препятствие, которому в книге посвящается вся восьмая глава, является тому естественным основанием. Оно заключается в бессознательном навязывании своей любимой модели человеческого тела всем остальным природным явлениям. Башляр показывает, например, как пищеварение управляет историей химических и биологических объяснений. Но миф зарождения еще более неисправимый. «Бытие и обладание – ничто относительно становления». Миф зарождения взаимодействует со всеми научными приемами: так, достаточно, чтобы два различных тела вступили в химическую реакцию, чтобы им тотчас же присвоили сексуальную роль. Кислота, например, активна и играет мужскую роль. Основание – пассивное – играет женскую роль. Пусть продуктом является нейтральная соль, это не должно беспокоить здравый смысл, ибо он точно знает только одно положение: разве не говорил Бергаав еще в XVIII веке о «солях-гермафродитах»? Этот перенос полового влечения на объективные факты является постоянным в истории науки, которая вполне серьезно считала, что видит, например, сексуальность минералов.

Причиной тому тот факт, что, человек проецирует себя на природу, видит мир сквозь «призму своей высокой ответственности прародителя и носителя бессознательного». Воспитатели еще более стимулируют эту тенденцию: «Они не ведут учеников к знанию предмета, они ничего не делают для того, чтобы снять сомнения, которые возникают в любом уме перед необходимостью скорректировать свою собственную мысль и выйти за свои рамки, чтобы найти объективную истину».

Препятствия на пути качественного знания

В области качественных знаний имеются многочисленные западни и препятствия на пути формирования научного знания.

«Мы непременно ошиблись бы, если бы посчитали, что количественному знанию не грозят в принципе опасности, подстерегающие качественное знание. Нельзя согласиться с тем, что величина является объективной, ведь как только мы отойдем от обычных предметов, мы начнем соглашаться с самыми невероятными геометрическими определениями».

Опасными являются неверные уточнения, экспериментальные ошибки, очарование быстрыми измерениями: «Излишество в уточнении в области количества очень точно соответствует излишеству в живописности в области качества». Если принять, что цифровая точность – это часто бунт чисел, то живописность, как сказал в свое время Бодлер, – это бунт деталей. И в этом можно разглядеть один из самых явных признаков ненаучного духа даже тогда, когда этот дух претендует на научную объективность. Башляр поясняет, что забота о точности приводит некоторые умы к постановке незначимых проблем. Например, отец Мерсен говорит: «Прошу сказать мне, насколько больший путь проделает человек ростом шесть футов головой, нежели ногами, если он совершит путешествие вокруг земного шара». Башляр показывает, что, учитывая неточность знаний того времени о земной окружности, вопрос лишен смысла.

В этой главе он заявляет, что зрелость любой науки может измеряться техническим способом, который она избирает сама. Использование точной математики оправдывается лишь в определенной сфере проблематики.

Научная объективность и психоанализ

Последняя глава книги демонстрирует, как научный дух вынужден строиться в виде «совокупности исправленных ошибок», которая предопределяет психоанализ нашего интеллектуального поведения и позволяет, в конце концов, прийти к настоящей этике рациональности, пишет Реми Хесс. Речь идет вовсе не об отказе от эмоциональности, а о критическом взгляде на свою интеллектуальность с тем, чтобы бороться с собой, думать своей собственной головой и постоянно обращаться к жизни, сочетая интерес к ней с интересом к духу. Здоровый научный дух должен отдавать предпочтение новому вместо старого, непрерывной культуре вместо приобретенной уверенности и менять традиционные общественные интересы.

В школе науки можно любить все, что разрушаешь. Мы продолжаем прошлое, отрицая его. Мы почитаем своего учителя, противореча ему. Поняв, наконец, что научный дух выковывается лишь «перманентной школой», мы сможем построить мир, принцип которого «общество для школы, а не школа для общества».

Комментарий

Ознакомление с Формированием научного духа позволит нам усвоить, что эпистемология Башляра – это в основном учет революции Эйнштейна в физике, считает Хесс.

Кроме того, по его мнению, эта книга выражает протест против преподавания наук, которое велось в коллежах и лицеях в 1920 году. Министерские инструкции были оскорблением здравого смысла. Господствующий позитивизм мешал говорить о составе материи в том виде, в каком ее открывала бурно развивающаяся физика. Теорию атома не следовало преподавать: «Цель состояла в том, чтобы не произносить слово «атом». О нем всегда думали, но никогда не говорили. Некоторые авторы, испытывая запоздалые угрызений совести, давали краткое описание истории атомных доктрин, но это описание у них всегда следовало после исключительно позитивистского изложения. И тем не менее сколько правильных книг стали бы яснее, если бы их разрешили читать наоборот!» («Атомистическая интуиция», 1935).

Башляр создает историю наук «в обратном направлении». Этой историей он показывает, как дух увязает в препятствиях, которые воздвигает его бессознательное. По мнению автора, исходить из настоящего – значит прояснить прошлое. Если мы хотим двигаться вперед, надо вернуться в прошлое, чтобы посмотреть, как были преодолены препятствия, стоявшие на пути знания, и вернуться в настоящее с багажом этой социальной исследовательской работы, чтобы вооружиться новым критическим отношением, которое должно позволить нам следовать дальше в развитии знания.

Мы увидели, что история наук не похожа на любую другую историю. Она должна работать по принципу возвратного действия. Надо быть критичным по отношению к ошибочным теориям и понимать, как эти ошибки вкрались. Эпистемология Башляра, таким образом, принимает эстафету от философии наук Канта или, уходя еще дальше, от теории знания.

Такой путь ведет его к невероятной строгости по отношению к исследователям, которые предшествовали нашей эпохе. Башляр считает, что наука стала новой. Раньше была лишь предыстория. Совсем немногие ученые XVIII века избежали его критической оценки. Стать ученым – это, если хотите, аскетический идеал: «Надо, чтобы каждый разрушал первую интуицию сильнее, чем свои фобию, пристрастия и склонности» (Психоанализ огня). Это обоснование философии отрицания. Эта аксиома относительности – «не ньютоновская», то пространство – «не евклидовское». Сам Башляр определяет себя как некартезианец, неаристотелевец и т.д. Следствием этого является включение в теорию познания отрицаемой системы и ее ретроактивное обоснование.

Реми Хесс пишет в конце что, из всех наук Башляр считает законной, и возможно в этом его ограниченность, лишь науку о мире минералов. Он с недоверием относится к биологии и целиком пренебрегает «гуманитарными науками». Его эпистемология, даже если она и стоит в стороне, тоже не избежала этой участи.